3. Булгакова О.А. Особенности категоризации действительности в многозначных дериватах. Когнитивные исследования языка. 2018; № 32: 217 – 224.
4. Лушпей А.А., Шунков А.В. Диалектная лексика: Синхронно-диахронический аспект. Мир науки, культуры и образования. 2020; № 4: 320 – 322.
5. Ртищева О.В. Гносеологические принципы взаимосвязи языка и культуры в философии Эрнста Кассирера. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020; № 52: 37-43.
6. Бец М.В., Лушпей А.А. Диалектная картина мира как лингвокультурологический феномен (на материале диалектизмов русского и немецкого языков). Мир науки, культуры и образования. 2017; № 6: 81 – 119.

References

1. Araeva L.A. Slovoobrazovatel'nyj tip. Moskva: URSS, 2009.
2. Mel'nik N.V. Derivaciya russkogo teksta: Lingvisticheskie i personologicheskie aspekty: monografiya. Moskva: LENAND, 2014.
3. Bulgakova O.A. Osobennosti kategorizacii dejstvitel'nosti v mnogoznachnyh derivatah. Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2018; № 32: 217 – 224.
4. Lushpej A.A., Shunkov A.V. Dialektnaya leksika: Sinhronno-diahronicheskij aspekt. Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. 2020; № 4: 320 – 322.
5. Rtischeva O.V. Gnoseologicheskie principy vzaimosvyazi yazyka i kul'tury v filosofii `Ernsta Kassirera. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2020; № 52: 37-43.
6. Bec M.V., Lushpej A.A. Dialektnaya kartina mira kak lingvokul'turologicheskij fenomen (na materiale dialektizmov russkogo i nemeckogo yazykov). Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. 2017; № 6: 81 – 119.

Статья поступила в редакцию 24.02.21

УДК 801.8: 821 (=512.19)

Kirimov T.N., *Cand. of Sciences (Philology), leading researcher, Scientific Research Institute for the Crimean Tatar philology, history and culture, F. Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russia), E-mail: tairkerimoff@gmail.com*

REVISITING THE HISTORY AND REASONS FOR DISCUSSIONS ABOUT THE LANGUAGE OF A.S. AIVAZOV AND HIS IDEOLOGICAL ASSOCIATES. The article examines linguistic views of the classic of Crimean Tatar literature Asan Sabri Aivazov and his fellow writers of the period of cultural and political awakening in the Crimea in the late 19–first third of 20 century. The author of the study makes an attempt to refute the prevailing thesis that the literary and journalistic language of A.S. Aivazov is predominantly Ottoman-Turkish. With the help of linguistic and cultural, comparative-historical, textual analysis, the national features of his scientific and artistic works are highlighted. The semantic core of the concepts "Tatar", "Turkic", "Turkish", "Ottoman" is determined in the minds of the Crimean Tatar literary intelligentsia and Russian academic circles of the mentioned period. The theoretical basis of the study is made up of the works of the classics of Russian Oriental studies and modern researchers of the Crimean Tatar language and literature V. Radlov, P. Falev, A. Samoylovich, A. Krymsky, B. Choban-zadeh, A. Aivazov, A. Odabash, I. Kerimov, A. Emirova, S. Chervonnaya, N. Yablonovskaya. The author comes to the conclusion that in Crimea the official language of the national press of the designated period was based on the democratic postulates put forward by the enlightener and ideologist of cultural and educational Turkism Ismail Gasprinsky – "Unity in thoughts, language, and deeds".

Key words: **Crimean Tatar press, Turkism, national consciousness, literature, language, modern comprehension.**

Т.Н. Киримов, *канд. филол. наук, вед. науч. сотр. НИИ крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Государственное бюджетное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Якубова», г. Симферополь, E-mail: tairkerimoff@gmail.com*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ И ПРИЧИНАХ ДИСКУССИЙ ВОКРУГ ЯЗЫКА А.С. АЙВАЗОВА И ЕГО ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СОРАТНИКОВ

В статье рассматриваются языковые воззрения классика крымско-татарской литературы Асана Сабри Айвазова и его соратников – писателей периода культурного и политического пробуждения в Крыму конца 19 – первой трети 20 века. Автором исследования делается попытка опровергнуть бытующий тезис о том, что литературно-публицистический язык А.С. Айвазова является преимущественно османско-турецким. С помощью лингвокультурологического, сравнительно-исторического, текстологического анализов освещаются национальные черты его научных и художественных произведений. Определяется семантическое ядро концептов «татарский», «тюркский», «турецкий», «османский» в сознании крымско-татарской писательской интеллигенции и российских академических кругов упомянутого периода. Теоретическую базу исследования составили труды классиков отечественного востоковедения и современных исследователей крымско-татарского языка и литературы: В. Радлова, П. Фалева, А. Самойловича, А. Крымского, Б. Чобан-заде, А. Айвазова, А. Одабаша, И. Керимова, А. Эмировой, С. Червонной, Н. Яблоновской. Автор приходит к выводу, что в Крыму официальный язык национальной печати обозначенного периода основывался на демократических постулатах, выдвинутых просветителем и идеологом культурно-просветительского тюркизма Исмаилом Гаспринским – «Единство в мыслях, языке, делах».

Ключевые слова: **крымско-татарская печать, тюркизм, национальное сознание, литература, язык, современное осмысление.**

Сегодня вопросы языка, национального самосознания, пройдя сквозь призму десятилетий и облачившись в новые культурные оттенки, все больше проявляют себя в разных сферах жизни крымских татар. Эти проблемы наряду с потребностью народа в подтверждении причастности к родной земле и культурному наследию предков требуют переосмысления не только со стороны других национальностей, но даже в собственной среде. Впрочем, язык как неделимое целое народа в то же время может оказаться и причиной разделения отдельных социальных слоев внутри нации. Поэтому приверженцы национальной идеи понимают, что прежде, чем отстаивать прочность идейных принципов гармоничности или противоречивости таких понятий, как, например, этноним, эндоэтноним, экзоэтноним, необходимо рассмотрение идеальности самоназвания, изучение культурных истоков языка, традиционности крымско-татарской письменности.

Отметим, что с зарождением в 1883 году в Крыму по инициативе И. Гаспринского традиций крымско-татарской журналистики, вместе с вопросами самоопределения народа, его языка, алфавита отдельное внимание в мусульманской печати стало уделяться таким понятиям, как культура, социум, нация. Сложность темы заключается и в недостаточной степени изученности языка, стиля классиков крымско-татарской литературы. Например, В. Радлов, А. Самойлович, А. Крымский, П. Фалев, Б. Чобанзаде, А. Гирайбай уделяют внимание тенденциозности в национальной литературе идеологий пантюркизма. Они исследуют лексическую, грамматическую сторону официального письменного языка и подчеркивают его близость с османско-турецким [1 – 6]. Поэтому среди современных исследователей встречаются те, кто полагает, что язык произведений А.С. Айвазова и его идеологических соратников, например, Дж. Сейдамета, О. Акчокраклы, А. Озенбашлы, Дж. Керменчикли, – турецкий [7; 8] (ввиду ограниченности журнального пространства в статье некоторые примечания не указываются. – *Т.К.*).

Подобные заблуждения возникают, по-видимому, из-за того, что в словах южного диалекта крымско-татарского языка встречаются характерные начальные б-, в-, г-, д- или аффиксы: -ёр (-юр, -йыр), -мыш (-муш), -ыз (-уз), -дигим (-тигим), -тыгъым (-дыгъым). В этом можно убедиться, обратившись к народным песням южнобережных крымских татар. Например, «Гидериз ялы-ялы» («Прогуливаемся по берегу»), «Севдигим сейране чыкъмыш» («Любимая вышла на прогулку»), «Адалар сахилинде беклеюрым» («Ожидаю на берегу островов»), «Вермем сени» («Не отдам тебя») [9]. При этом в текстах классиков литературы мы оставляем без внимания вопросы орфографии, семантики, национального благозвучия, речевых оборотов, построения предложений, знаковости языка. Забываем, что иначе выступления перед народом на турецком о святости, благородстве крымско-татарского языка делегатов I демократического Курултая (Парламента) в 1917 году звучали бы нелепо. На современном этапе развития крымско-татарской науки эти противоречивые утверждения могут восприниматься как

отказ от национального достояния, истории, письменных и устных литературных памятников, призванных укреплять самобытность, культуру нации. В особенности прискорбно читать несправедливые замечания П.В. Фалева по поводу языка А.С. Айвазова в статье «Из идеологии крымско-татарской интеллигенции». Ученый утверждает, что деятельность писателя ведет к опасности разрушения нации [4].

А.С. Айвазов сталкивался с непониманием и среди соплеменников. Например, большой сторонник идеологии пуризма А. Одабаш резко осуждает сложный, вычурный, по его мнению, язык писателей-модернистов. Пытается убедить их в том, что язык национальной печати должен быть простым и доступным для крестьян. Упоминая книжку «Как дошли мы до жизни такой?» 1907 года выпуска, подчеркивает, что это по-настоящему первое серьезное драматическое издание, которое появилось после революции на полках крымского читателя. Но, в то же время критически отзывается о недостатках в пьесе, связанных с чрезмерностью монологов, статичностью персонажей и их речью, не имеющей ничего общего с народным крымско-татарским языком [10].

Видится уместным коротко очертить судьбу и творчество Асана-Сабри Айвазова. Писатель родился в 1878 году в Алупке. Первичное образование получил в местной школе. Совершенствовал знания в Стамбуле и Каире. Учительствовал в новометодных школах Крыма (1897 – 1904). Являлся лектором Лазаревского института восточных языков.

А.С. Айвазов известен как талантливый редактор национальных газет «Ветан Хадими» («На службе Отчизне», 1906 – 1908), «Терджиман» («Переводчик», 1914 – 1918), «Миллет» («Нация», 1917 – 1918); журнала «Козьайдын» («Благая весть», 1927) Творческая продуктивность писателя ярко выражается в публицистической, переводческой, литературно-критической и драматургической деятельности. Известны его переводы драмы М. Ленгеля «Тайфун» (1914); рассказов, повестей и новелл А.П. Чехова «Севинч» («Радость», 1914); Г. Мопассана «Мадмуазель Перль», «Тель енгенинъ мейханеси» («Заведение Телье»), «Герданлыкъ» («Ожерелье»), «Томбул къадын» («Пампушка»), «Милон эмдже» («Дядюшка Милон») и др.; романов Э. Золя «Комюр къазыджылары» («Углекопы», 1929), Ш. де Костера «Уленшпигель хакъкъында эфсане» («Легенда об Уленшпигеле», 1930). Огромный пласт статей Айвазова встречается в довоенной периодике России, Азербайджана, Турции, Болгарии, Румынии. Тематика публикаций деятеля охватывает комплекс значимых вопросов мировой и краевой экономики, политики, культуры, языка и просвещения.

Перу А.С. Айвазова принадлежат высокохудожественные пьесы и рассказы со злободневными сюжетами из жизни простого народа: «Неден бу хала къалдыкъ?» («Как дошли мы до жизни такой?»), «Халяскяр бомба» («Бомба спасения»), «Бахарь тюркюлери» («Весенние напевы»), «Эсарет къурбанлары» («Жертвы рабства»), «Аннеджигим, нердесинъ?! Кель!» («Мамочка, где ты?! Приди!»). В них раскрываются идейные и политические взгляды автора.

Попав в поле зрения органов НКВД, в 1938 году Айвазов был расстрелян по обвинению в национализме [11].

Асан Сабри Айвазов, рассматривая вопросы развития и сохранения крымско-татарского языка в газете «Енъи дюнья» («Новый мир») за 1926 год, пишет:

«Язык, к которому я призываю, это совершенно не тот «помпезный» язык османской дворцовой поэзии и тем более не тот раздражающий слух и душу грубый, подобный «барабанной дроби и зычному звучанию зурны» алкедаевский стиль. Я оспариваю простой, изящный, красивый литературный, научный язык. Этот язык есть, он живет и впредь будет жить. Пусть острые шипы вонзаются в тела тех, кто преграждает ими наш путь. Пусть дорога к нашему благородному языку украшается торжественными венками и цветами прогресса. Всякие протесты против языка, без сомнения, обречены на провал. Язык журналов Чатыртавлы«Зеленый остров» и «Дела просвещения» является тем самым могучим, рациональным языком, который мы оспариваем» [12]. [Перевод наш – Т.К.]. (Поясним в качестве примечания значение словосочетания алкедаевский стиль: Алкедай – лит. псевд. Умера Ипчи (1897 – 1955), а также имени Чатыртавлы – лит. псевд. Абибуллы Одабаша (1881 – 1938)).

Примечательно, что немногим ранее, в 1918 году А. Одабаш (Чатыртавлы) с негодованием отзывался об игнорировании редактором газеты «Миллет» («Нация») А.С. Айвазовым его статей на просторечном татарском языке, так как считал основным языком печатного органа Курултая тюркским (турецким) [13]. Бывало, что конфликт на почве языка перерастал в открытую войну между другими писателями. Например, это публичные дебаты между А. Одабашем, Дж. Керменчикли, А. Кадри-заде. Анализируя творчество А. Айвазова и А. Одабаша, можно заметить, как меняется их отношение к идеям, которые много лет ими проповедовались в народе. Их убеждения могут показаться неоднозначными, впрочем, как и социально-политическое положение Крыма того времени. Проследив историю рассуждений писателей о сложной взаимосвязи терминов «татарский» и «тюркский», с одной стороны, и попытки их современников создать официальный язык, соответствующий требованиям национальной науки, с другой, мы видим их некую формальность. В связи с этим обратимся к историографической статье «Эдебий тилимиз хакъкъында» («О нашем литературном языке»), опубликованной в 1931 году в газете «Енъи дюнья» («Новый мир») за подписью «В.Д.». Основоположников развития крымско-татарского литературного языка автор делит по критериям. Например, это те, кто:

– поддерживал расширение влияния русского языка;

– посредством южнобережного диалекта поддерживал политику пантюркизма;

– определив своей целью татарство и превосходство степного диалекта, взял курс к пуризму [14].

Еще ранее А. Гирайбай в работе «Къырым тарихи» («История Крыма») к первой группе отнес У. Тохтаргазы, А. Чергеева, Г. Шерефеддина. Они, как отмечает историк литературы, осваивали формы русской классической литературы и культивировали местные наречия; ко второй – Дж. Сейдамета, А. Айвазова и Дж. Керменчикли. Это писатели-модернисты, получившие образование в Турции и сформировавшиеся под влиянием турецких деятелей танзимата И. Шинаси и Н. Кемаля; к третьей – писателей во главе с Н. Челебиджиханом. Члены этой группы благосклонно относились и к западно-турецкому, и к местному, по большей части степному наречиям [6].

Здесь нельзя не вспомнить отрывок из стихотворения поэта Б. Чобан-заде «Тувгъан тиль» («Родной язык»). Стихотворение было опубликовано в 1918 году и отражает языковую неопределенность, образовавшуюся тогда в кругу крымской писательской элиты.

«Бильмиймен тюрюкми, татармы адынъ,
Бек яман татлысынъ, Танърыдан тадынъ,
Тюрюк де, татар да сенинъ сёзлеринъ,
Икиси – ики чифт мунълу козьлеринъ...» [15].
(«Не знаю чей – тюркский, татарский ли ты,
Но как сладкозвучен, целителен ты!
У тех и других твои россыпи слов,
Как любящих очи, как смех близнецов...») [16].

Б. Чобан-заде также известен как крымско-татарский тюрколог-лингвист, литературовед. Его философия языка соотносима с философией Н. Челебиджихана. В их творчестве находят применение северный и южный диалекты крымских татар. Северный диалект в понимании писателей является языком художественной литературы, но языку науки и публицистики больше свойственен письменный язык с элементами южнобережного диалекта или, как считают вышеназванные исследователи, – османско-турецкий язык А.С. Айвазова.

Занимающийся изучением научно-издательской деятельности Бекира Чобан-заде турецкий исследователь Кенан Аджар в 2001 году опубликовал объемный труд «Крымец Бекир Сыдки Чобанзаде: лингвистические и литературоведческие исследования». Он подробно анализирует язык, терминологический аппарат, стиль, содержание учебно-методических, монографических публикаций Б. Чобан-заде. Эти книги датируются 1920 – 1930 годами выпуска и посвящены изучению языка, литературы крымско-татарского, азербайджанского, кумыкского и других тюркских народов. Интересно, что К. Аджар, рассматривая семантические, стилистические и синтаксические особенности научных текстов Б. Чобан-заде, находит в них явное несоответствие грамматическим нормам турецкого языка [17].

К размышлениям Чобан-заде о сущности национального языка присоединяется и близкий единомышленник А.С. Айвазова, рупор I крымско-татарского Курултая Дж. Керменчикли. Желание встретиться с духовным предводителем народа И. Гаспринским, попросить у архангела Гавриила совета по поводу этногенеза крымских татар обращает поэта к реальным проблемам самоидентификации народа. В «Стихе, вместо поименного списка» («Эсами джедвели ерине шиир») мы встречаем следующие медитативные строки:

«...Учсам, юксельсем та арш-ы аляя,
Якъынлашсам Гаспринский бабая;
Дертлешсем онынъ иле баштан-аякъ,
Алсам татар тарихине бир сиякъ
«Биз татармыйыз, тюркмийиз?» – бу акъта,
Джебраильден де алсам учь-беш себакъ...» [18].
(«Взлететь, вознестись бы до самых эмпирей,
Повстречаться с отцом [народа] Гаспринским;
Чтобы излить всю горечь печали,
Перенять для татарской истории опыт,
Получить [несколько] советов от Гавриила,
По поводу кто мы: татары или тюрки?») [Перевод наш – Т.К.].

В лирическом цикле Керменчикли есть и такие стихотворения, как «Бен бир тюркюм!» («Я тюрок!»), «Татарым!» («Я татарин!») [19; 20]. При поверхностном рассмотрении этих произведений их автора можно уличить в идеологической непоследовательности. Ведь его лирический герой, трибун, оказавшись в пучине политического хаоса, сегодня подражает стихотворению турецкого поэта М.Э. Юрдакула «Дженге гидеркен» («Шагая в бой») и идеализирует тюркизм (пантюркизм), но завтра готов воспевать идеи протатарства. В действительности, несмотря на конфликтные отношения, философия поэта совпадает с мировоззрением его идеологического оппонента А. Одабаша и сводится к укреплению единства народа. Говоря словами Керменчикли, татарин должен ощущать и свою самобытность, и свое единство с тюркским миром. В подтверждение приверженности к Родине, автор стихотворения «Бен бир тюркюм» («Я тюрок!») подписывается псевдонимом «Къырымлы» («Крымец»). В данном случае практический интерес представляет книга Османа Хатифа «Кок байракъ алтында миллий фаалиет» («Народное движение под голубым флагом») 1918 года издания. Автор, анализируя публицистику крымско-татарской политической элиты в газете

«Миллет» («Нация»), заменяет термины «Татар» («Татарин»), «Къырымтатар» («Крымский татарин») на «Къырымлы» («Крымец»), «Къырым мусульманлары» («Крымские мусульмане»), «Тюрк» («Тюрок») [21].

Причина замены О. Хатифом этнонима «Татар», по-видимому, кроется в усилении этнического самосознания крымско-татарской интеллигенции и ее стремлении избавиться от татаро-монгольских названий, навязанных народу в период царской империи. Впрочем, при знакомстве с литературным наследием писателей заявленного периода может сложится ошибочное мнение, что это утверждение сомнительно и оспаривается, например, в публицистике А. Айвазова, Н. Челебиджихана, Дж. Сейдамета. Так как, по их словам, зарождение идеологии тюркизма берет начало еще со времен Золотой Орды. В поэзии крымских поэтов-народников Чобан-заде, Гирайбая, Одабаша, Ипчи, Реджеба-Хайри героическое прошлое, единение тюркских народов также связывается с образами Чингиз-хана, Бату-хана, Тимура. По этому поводу правильно было бы считать, что идеализация мифического прошлого является литературной стратегией воздействия на общественное мнение в целях преодоления кризиса гражданско-патриотического сознания. При этом важно отметить несостоятельность традиции связывать возникновение и формирование идейного движения тюркизма с османской империей. Стремление к языковой, культурной консолидации в основном исходило со стороны тюрко-мусульманской России как защитная реакция на ассимиляционную и колонизаторскую политику царского самодержавия. Крымская газета «Терджиман» («Переводчик») и лозунг И. Гаспринского «Единство в мыслях, языке, делах» являются официальными выразителями демократических позиций крымских татар и тюрок-мусульман [22].

Также вспомним историю незыблемости идей тюркизма в среде тюркских народов и участь раздавленных советским режимом ярких крымско-татарских деятелей культуры и литературы. А. Айвазов, О. Акчокраклы, Б. Чобан-заде, А. Одабаш, Ш. Бекторе, А. Лятиф-заде, Дж. Керменчикли, А. Ильмий, У. Ипчи, Дж. Гафар, А. Гирайбай, А. Чергеев. Это далеко не полный список имен тех, кто в 1928 – 1938 гг. был обвинен в национализме и брошен в тюрьмы, сослан в трудовые лагеря, расстрелян. Как замечает Р. Хаяли, репрессии против интеллигенции открыли путь для перевода советской властью крымско-татарской латинской письменности на русскую кириллицу [23]. По этому поводу примечательны тезисы М. Велиджанова, опубликованные в начале 1940-х в газете «Азат Къырым» («Освобожденный Крым»). В статье «Янъы имлямыз хусусында» («По поводу нашей новой орфографии») он обращает внимание на сложности и противоречия, связанные с внедрением в советское время крымско-татарской грамматики в формат кириллицы:

«В нашей орфографии, основанной на базе русского алфавита, приоритет отдавался больше принципу формы. В соответствие с этими [новыми] правилами орфографии губные согласные звуки распространялись лишь до второго слога, а остальные согласные в словах писались в негубной форме. В словах «койлю, юзюкли, сютсюз, омюрсиз, ёлджу, одунджы, сютлюк, буюклик» один и тот же аффикс мог писаться по-разному: в губной, и в негубной форме. Аффиксы причастий, деепричастий в письме тоже противоречили своему губному произношению. Например, слова «тёкюп», «сютнюнъ», «ольдю» несмотря на то, что по произношению губные – писались как: «тёкип», «сютнинъ», «ольди». Каждому учителю знакомо, как из-за подобного рода несоответствий читатели испытывали трудности не только в письме, но и в процессе чтения…» [24]. [Перевод наш – Т.К.].

Упомянутые грамматические несогласованности считаются малой частью урона крымско-татарскому языку, нанесенного ассимиляционной политикой советского тоталитарного режима. Если переход крымских татар и других тюрко-мусульманских народов на латиницу был научно и идеологически обоснованным путем объединения и национальной самоидентификации, то советская кириллизация, напротив, нарушила их культурно-исторический процесс национального становления. На современном этапе состояние языка крымско-татарского народа, пережившего почти полувековую ссылку, также является кризисным. Так как нарушена языковая система на всех уровнях, но особенно в области лексики, фразеологии, синтаксиса [25]. Разумеется, всякие дискуссии о языке национальных писателей периода культурного пробуждения, исходя из принципа современного представления о литературном языке крымских татар советского или постсоветского времени, являются немыслимым занятием. Споры вокруг языка возникают также из-за арабского алфавита. Исследователи при изучении старых изданий часто сталкиваются с проблемой орфографических разночтений. Подобные разночтения являются причиной размытости национальных особенностей арабографических текстов.

Интересную мысль по поводу языка тюрко-мусульманской периодической печати высказывает А.Н. Самойлович. Он утверждает, что «османский язык» является условным понятием в российских академических кругах. Под османским языком подразумеваются общетюркские наречия народов, проживающих в пределах границ османской империи, а также канцелярский язык чиновников и образованной части населения. Русские ориенталисты, продолжает он, во главе с Ф.Е. Коршем и Мелиоранским условились употреблять укоренившиеся в русском языке термины «турок» и «турецкий» вместо «тюрок» и «тюркский» в общенациональном значении [2]. Турецкий историк И. Ортайлы также утверждает, что османского языка как такового не было, но существовал бюрократический жаргон придворной знати, мало понятный простому народу [26].

А.С. Айвазов, в свою очередь, продолжая дискурс о сущности официального языка, обращает внимание на проблему неразработанности понятийного аппарата, связанного с развивающимися сферами активной деятельности крымских татар. Предостерегает интеллигенцию от чрезмерного и пагубного использования в печати русизмов вместо традиционных для мусульманского общества арабских, персидских заимствований. Призывает обращаться к истокам народного языка, искать в архаическом периоде сознания нации новые формы выражения мысли. Но также рекомендует идти по пути научных разработок в области языкознания более развитых национальных регионов на примере Турции, Азербайджана, Туркестана. По сути, это основная тема, которую Айвазов поднимает в своей публицистической пьесе «Как дошли мы до жизни такой?». Автор, задаваясь этим вопросом, анализирует причины культурно-экономического упадка в Крыму. Его тревожит угасание исторической памяти, но вместе с ней национальных традиций, культуры, духовности и языка народа. Основной выход из этой ситуации писатель видит в общедоступном национальном образовании [27; 28].

Для того, чтобы лучше понять философию языка А.С. Айвазова, можно ознакомиться с важными фрагментами из стенограммы его выступления на Первом тюркологическом конгрессе в Баку в 1926 году. С целью упорядочения литературного языка Айвазов предлагает несколько планомерных этапов:

1. Язык книг для чтения в младших классах начальной школы должен быть простым и в определенной степени приближен к местным диалектам. Например, «Книга для чтения» и хрестоматия «Тюрко-татарский язык», подготовленные Одабашем и Хаджы-Хасаном, во многом совпадают с нашими целями <…>. В старших классах язык преподавания и учебников должен постепенно приближаться к литературному.

2. Научно-дисциплинарные термины базовых понятий необходимо подробно объяснять ученикам школ.

3. Язык дисциплин и преподавания в школах второй степени должен быть научным. Поэтому подготовкой дисциплинарных учебников волей-неволей займутся товарищи редакторы [национальных газет и журналов]. При отсутствии соответствующих научных терминов и слов на тюрко-татарском языке придется заимствовать их из турецких книг.

4. В начальной или средней школе язык преподавания всех научных дисциплин без исключения должен быть тюрко-татарским.

5. Начиная с сегодняшнего дня, язык наших газет и журналов должен быть, насколько это возможно, научным. Так как одна из важных задач периодической печати – привить читателю литературный, научный язык.

6. Драматические книги (пьесы), напротив, должны писаться на простом и в то же время изысканно художественном языке, колоритном местном наречии. Так как театры являются литературной школой настоящей жизни, театральные пьесы также по праву считаются частью искусства [12].

Упомянутое издание А. Одабаша и У. Хаджы-Хасана «Тюрко-татарский язык» состоит из нескольких частей, предназначенных для обучения чтению в младших и средних классах сельских школ первой ступени. Сегодня их оригиналы за 1923 – 1928 гг. хранятся в фондах Российской национальной библиотеки и Республиканской крымско-татарской библиотеки им. И. Гаспринского. Из содержания хрестоматии видится попытка ее составителей путем объединения местных южнобережного (огузская ветвь) и северного (кыпчакская ветвь) диалектов выработать единый литературный язык. С целью расширения языкового кругозора в книге вниманию учащихся-читателей помимо произведений крымско-татарских писателей предлагаются образцы турецкой, азербайджанской и татарской литератур. В последующих изданиях для формирования понятийно-терминологического аппарата школьников планировалось использование материалов из «Уроков естествознания» М. Абдуллаева, «Уроков географии» Э. Февзи и учебника по математике Н. Мухиддинова. Весьма примечательно, что Одабаш на протяжении многих лет литературно-публицистической деятельности разработал богатый лексический арсенал терминов, основывающихся на живом народном языке. Занятый исследованием путей расширения функциональности национального литературного языка Б. Чобан-заде также настаивает на использовании терминов из родного языка, но при необходимости возможно прибегать к заимствованиям из арабско-персидского происхождения, адаптированных к грамматике крымско-татарского языка. Общеизвестные термины, использующиеся в европейских языках, ученый советует использовать как есть, без перевода [29].

Можно сказать, к концу 1920-х годов в Крыму вокруг таких газет и журналов, как «Енъи дюнья» («Новый мир»), «Козьайдын» («Благая весть»), «Бильги» («Знание»), «Ешиль ада» («Зеленый остров»), «Окъув ишлери» («Дела просвещения»), образовался союз старой крымско-татарской интеллигенции. Это ученые, литературоведы, лингвисты, педагоги-методисты, которые занимались разработкой и популяризацией литературного языка в национальной печати. В последующие годы они были подвержены травле и дискриминации со стороны молодых крымско-татарских писателей, попавших под влияние советской пропаганды. Например, ярко выражает позиции «красных» писателей Ыргат Кадыр. Выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году, И. Гаспринского и его газету «Переводчик» он объявляет главным оружием давления на классовое сознание татарской бедноты. Чобан-заде, Айвазова, Одабаша, Лятиф-заде и других участников I Бакинского тюркологического съезда обвиняет в контрреволюционной националистической деятельности [30]. Разумеется,

в дальнейшем их лингвистические разработки, учебные пособия, художественные произведения были запрещены и преданы забвению.

В заключение отметим, что язык А.С. Айвазова является отражением идеологических позиций крымско-татарской интеллигенции конца 19 и первой трети 20 века. В его осмыслении литературный язык должен отвечать запросам развивающегося народа, выполнять функцию культурного сближения тюрок-мусульман. Несомненно, лингвистические взгляды Айвазова сформировались под влиянием идей культурно-просветительского тюркизма И. Гаспринского. Будучи продолжателем дела великого просветителя, Айвазов на основе объединения местных диалектов стремится построить научный литературный язык. Но в отличие от крымского идеолога пуризма А. Одабаша, делающего установку на просторечный язык, он выступает за сохранение арабских и персидских заимствований, использование общеевропейских терминологических понятий. В первое время на этой почве возникали разногласия и разделения писателей на группы, поддерживающих идеи татарства и тюркизма. Изучая историю и причины дискуссий, возникающих вокруг языка А.С. Айвазова и его соратников, следует обратить внимание на то, что в трудах классиков отечественного востоковедения (Ф.Е. Корша, П.М. Мелиоранского, А.Н. Самойловича) термины «тюрк», «тюркский» часто употребляются в форме «турок», «турецкий» или «османско-турецкий». В то же время А.Н. Самойловичем подтверждается формальность существования османского языка. Как уточняет турецкий историк И. Ортайлы, османский язык на самом деле – это бюрократический жаргон придворной знати оттоманской империи. Зачастую элементы крымского южнобережного диалекта, встречающиеся в лексиконе А.С. Айвазова, Дж. Сейдамета, О. Акчокраклы, А. Озенбашлы, А. Ильмия, Дж. Керменчикли и других писателей, воспринимаются исследователями как составляющие турецкого языка. По мнению автора статьи, подобные ошибочные суждения также возникают из-за того, что язык классиков оценивается с точки зрения современного литературного языка. Как упоминалось ранее, сегодня крымско-татарский язык переживает глубокий кризис – как следствие ассимиляторской политики советского режима. В перспективе настоящая тема может быть расширена и рассматриваться с точки зрения стилистики, семантики мышления классиков крымско-татарской литературы. Так, ожидают своего исследования произведения Н. Челебиджихана, А. Кадри-заде, Я. Шакир-Али, Ш. Бекторе и других малоизученных авторов. Это поможет лучше оценить условия и традиции формирования культурной мысли крымских татар.

Библиографический список

1. Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племен: наречия крымского полуострова. СанктПетербург: Императорская академия наук, 1896; Ч. VII, XIX – XV.
2. Самойлович А. Мусульманская периодическая печать. Мир Ислама. 1912; Т. I, № 1: 258.
3. Студії з Криму. I-IX: відбитки з «Записок Історично-Філологічного Відділу». Редактор А.Е. Кримський. Київ, 1930: 174 – 177.
4. Фалев П. Из идеологии крымско-татарской интеллигенции. ИТУАК (Известия Таврической ученой архивной комиссии). 1918; № 54: 285 – 286.
5. Çoban-zade B. Kırımtatar Edebiyatında Kurultaycılık ve Milletçilik. Bakı: Azerbaycan İlmi tedkik institutu neşriyatı, 1929: 38.
6. Азиз шеитимиз Амди Гирайбайнынъ “Къырым тарихи” диссертациясынынъ илявеси: Къырым эдебиятына бир бакъыш. Йылдыз. 1995; № 3: 18 – 20.
7. Жабко Ш. Письменная культура крымских татар. Сохраненное наследие. Вопросы крымско-татарской филологии, истории и культуры. 2016; Выпуск 3: 174.
8. Quliyev V. Füyuzatın iki yazarı. Bakı: Elm ve tahsil. 2017: 19.
9. Къырымтатар халкъ йырлары. Терт. И. Бахшыш, Э. Налбандов. Акъмесджит: Таврия, 1996.
10. Çatırtavlı. Dereköy münasebetile: Qırımnıñ kitap yazıcıları. Millet. 1919; 20 Fevral.
11. Урсу Д. Очерки истории культуры крымско-татарского народа (1921 – 1941). Симферополь, 1999: 21 – 24.
12. Ayvazov H. Bizde edebiy ve ilmiy dil lâzimmi, degilmi? Yeñi dünya. 1926; № 182 (1058), № 185 (1061).
13. Çatırtavlı. Mevlüt bayramı. Millet. 1918; № 177.
14. Керимов И. Медений эснас. Къырымтатар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги (1920 – 1938). Акъмесджит: Таврия, 1997.
15. Çobanoğlu Bekir Bavbek. Tuvğan til. Millet. 1918; 29 Avgust, 31 Oktâbr.
16. Османов Ю. Крым – Родина моя. Симферополь: Крымучпедгиз, 2008.
17. Acar K. Kırımlı Bekir Sıdkı Çobanzade: Dilciliği ve Edebiyat Araştırmacılığı. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2001.
18. Kermençikli C. Esami cedveli yerine şiir. Millet. 1917; 11 Sentâbr.
19. Kermençikli C. Soñ sözüm. Qırım mecmuası. 1918; № 6: 105 – 106.
20. Qırımlı (Kermençikli C.). Ben bir türküm! Millet. 1918; 19 Avgust.
21. Osman Kemal Hatif. Gökbayrak altında milli faaliyet (1917 Kırım Tatar Milli İstiklâl Hareketin Hikâyesi). Haz. H. Kırımlı. Ankara: Şafak Matbaacılık San. Tic. Ltd. Şti, 1998.
22. Червонная С.М., Гилязов И.А., Горошков Н.П. Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и в мировой историографии: исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития. Ас-Алан. 2003; № 1 (10).
23. Хаяли Р. Крымские татары в репрессивно-карательной политике в Крымской АССР. Культура народов Причерноморья. 2007; № 116: 71 – 76.
24. Velicanov M. Yañı imlâmız hususında. Azat Qırım. 1942; 4 Sentâbr.
25. Эмирова А. Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымско-татарского языка. Available at: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/ 93751/ 15-Emirova.pdf?sequence=1
26. Ortaylı İlber. Osmanlıca bir dil midir? Harf devrimi niçin yapıldı? Available at: https://m.youtube.com/watch?v=Zw1D8kbogZc
27. Ayvazov H. Dilimizin başlıca ihtiyaclarından. İleri. 1928; № 1 (21): 8 – 14.
28. Ayvazov H. Neden bu hala qaldıq? Baku: “Füyüzat” ve “Kaspiy” matbaasında tab olunmıştır, 1907.
29. Первый всесоюзный тюркологический съезд. Стенографический отчет. Баку: Бакинский рабочий, 1926: 249 – 262.
30. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1934: 621 – 622.

References

1. Radlov V. Obrazcy narodnoj literatury severnyh tyurkskih plemen: narechiya krymskogo poluostrova. SanktPeterburg: Imperatorskaya akademiya nauk, 1896; Ch. VII, XIX – XV.
2. Samojlovich A. Musul’manskaya periodicheskaya pechat’. Mir Islama. 1912; T. I, № 1: 258.
3. Studiï z Krimu. I-IX: vidbitki z «Zapisok Istorichno-Filologichnogo Viddilu». Redaktor A.E. Krims’kij. Kiïv, 1930: 174 – 177.
4. Falev P. Iz ideologii krymsko-tatarskoj intelligencii. ITUAK (Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii). 1918; № 54: 285 – 286.
5. Çoban-zade B. Kırımtatar Edebiyatında Kurultaycılık ve Milletçilik. Bakı: Azerbaycan İlmi tedkik institutu neşriyatı, 1929: 38.
6. Aziz sheitimiz Amdi Girajbajnyn` “K`yrym tarihi” dissertaciyasynyn` ilyavesi: K`yrym `edebiyatyna bir bak`ysh. Jyldyz. 1995; № 3: 18 – 20.
7. Zhabko Sh. Pis’mennaya kul’tura krymskih tatar. Sohranennoe nasledie. Voprosy krymsko-tatarskoj filologii, istorii i kul’tury. 2016; Vypusk 3: 174.
8. Quliyev V. Füyuzatın iki yazarı. Bakı: Elm ve tahsil. 2017: 19.
9. K`yrymtatar halk` jyrlary. Tert. I. Bahshysh, `E. Nalbandov. Ak`mesdzhit: Tavriya, 1996.
10. Çatırtavlı. Dereköy münasebetile: Qırımnıñ kitap yazıcıları. Millet. 1919; 20 Fevral.
11. Ursu D. Ocherki istorii kul’tury krymsko-tatarskogo naroda (1921 – 1941). Simferopol’, 1999: 21 – 24.
12. Ayvazov H. Bizde edebiy ve ilmiy dil lâzimmi, degilmi? Yeñi dünya. 1926; № 182 (1058), № 185 (1061).
13. Çatırtavlı. Mevlüt bayramı. Millet. 1918; № 177.
14. Kerimov I. Medenij `esnas. K`yrymtatar tili, `edebiyaty ve medenietinden malyumat destegi (1920 – 1938). Ak`mesdzhit: Tavriya, 1997.
15. Çobanoğlu Bekir Bavbek. Tuvğan til. Millet. 1918; 29 Avgust, 31 Oktâbr.
16. Osmanov Yu. Krym – Rodina moya. Simferopol’: Krymuchpedgiz, 2008.
17. Acar K. Kırımlı Bekir Sıdkı Çobanzade: Dilciliği ve Edebiyat Araştırmacılığı. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2001.
18. Kermençikli C. Esami cedveli yerine şiir. Millet. 1917; 11 Sentâbr.
19. Kermençikli C. Soñ sözüm. Qırım mecmuası. 1918; № 6: 105 – 106.
20. Qırımlı (Kermençikli C.). Ben bir türküm! Millet. 1918; 19 Avgust.
21. Osman Kemal Hatif. Gökbayrak altında milli faaliyet (1917 Kırım Tatar Milli İstiklâl Hareketin Hikâyesi). Haz. H. Kırımlı. Ankara: Şafak Matbaacılık San. Tic. Ltd. Şti, 1998.
22. Chervonnaya S.M., Gilyazov I.A., Goroshkov N.P. Tyurkizm i pantyurkizm v original’nyh istochnikah i v mirovoj istoriografii: ishodnye smysly i celi, paradoksy interpretacij, tendencii razvitiya. Ac-Alan. 2003; № 1 (10).
23. Hayali R. Krymskie tatary v repressivno-karatel’noï politike v Krymskoï ASSR. Kul’tura narodov Prichernomor’ya. 2007; № 116: 71 – 76.
24. Velicanov M. Yañı imlâmız hususında. Azat Qırım. 1942; 4 Sentâbr.
25. `Emirova A. Yazykovaya situaciya v Krymu i nasuschnye problemy vozrozhdeniya krymsko-tatarskogo yazyka. Available at: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/ 93751/ 15-Emirova.pdf?sequence=1

26. Ortaylı İlber. Osmanlıca bir dil midir? Harf devrimi niçin yapıldı? Available at: https://m.youtube.com/watch?v=Zw1D8kbogZc
27. Ayvazov H. Dilimizin başlıca ihtiyaclarından. İleri. 1928; № 1 (21): 8 – 14.
28. Ayvazov H. Neden bu hala qaldıq? Baku: "Füyüzat" ve "Kaspiy" matbaasında tab olunmıştır, 1907.
29. Pervyj vsesoyuznyj tyurkologicheskij s`ezd. Stenograficheskij otchet. Baku: Bakinskij rabochij, 1926: 249 – 262.
30. Pervyj vsesoyuznyj s`ezd sovetskih pisatelej. Stenograficheskij otchet. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1934: 621 – 622.

Статья поступила в редакцию 19.02.21

УДК 81-114.2

Leonenko A.D., *postgraduate, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), E-mail: p740605@yandex.ru*

CATAPHORIC TIES OF THE RUSSIAN WORD *ШТУКА* IN THE PATTERN *ТАКАЯ ШТУКА, КАК*. The article discusses the use of the noun of broad meaning штука in the pattern такая штука, как 'such thing as' in the cataphoric function. The definition of the word thing is analysed in the comparison with the definitions of other words, acting as referents. The semantic field of the word штука is extensive and includes different categories of objects – things, situations, human beings and notions. They all correspond with the notion of the word штука. A comparison metaphor emerges on the basis of resemblance of different categories in the pattern такая штука, как. The considered pattern creates cataphoric relations in simple and complex sentences as well as between sentences. The definitions of the words which constitute the pattern, i.e. такой 'such' and как 'as, like', are also carefully analysed; this helps to understand better the reason of emerging cataphoric reference. Finally, there are some key features that characterize functioning of the noun штука in the considered pattern: the utterance acquires conversational style and with the presence of an attribute it becomes subjective.

Key words: **cataphoric marker, referent, semantic field, meaning, utterance, noun, semantics, syntax.**

А.Д. Леоненко*, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: p740605@yandex.ru*

КАТАФОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛОВА *ШТУКА* В СОСТАВЕ КОНСТРУКЦИИ *ТАКАЯ ШТУКА, КАК*

В настоящей статье рассматривается слово обобщенной семантики штука в составе конструкции такая штука, как в катафорической функции. Анализируется словарное толкование слова штука в сопоставлении со словарными значениями других слов, выступающих в роли референтов. Семантическое поле существительного штука достаточно обширно и включает разные категории объектов – предметы, ситуации, людей и абстрактные понятия. Все они подводятся под общее понятие «штука». На основе подобия разнородных категорий в конструкции такая штука, как возникает метафора сравнения. Рассматриваемая конструкция встречается в простых и сложных предложениях, а также между предложениями. Подробно анализируется значение составляющих конструкцию слов такой и как, что позволяет лучше понять причину возникновения катафорической отсылки. В целом употребление слова штука в рассматриваемой конструкции характеризуется несколькими чертами: высказывание приобретает разговорную окраску, а при наличии атрибута – субъективность.

Ключевые слова: **катафорический маркер, отсылка, семантическое поле, значение, высказывание, существительное, семантика, синтаксис.**

Существительные обобщенной семантики, или широкозначные входят в число лексических маркеров катафоры [1; 2]. Являясь неопределенным указанием на нечто, что будет сообщено позднее, или на суть явления, которая будет раскрыта позже, такие слова часто выступают в роли левого члена катафорической пары, выполняющего отсылку вперёд. Среди самых распространенных существительных слова дело, вещь, штука, факт, новость и другие. У каждого из них есть свои стилистические и синтагматические особенности употребления.

Одним из слов, способных выступать в качестве левостороннего элемента катафоры, является слово штука. Тут, видишь, какая штука получается… Знаешь, есть такая штука, как… Смотри, какая у меня штука есть. Следует отметить, что подобные контексты встречаются преимущественно в разговорной речи. Вместе с тем и некоторые из значений, актуальные для образования катафорических связей слова штука, имеют помету «разговорное». Таким образом, можно ли говорить в данном случае о стилистической ограниченности функционирования данного маркера катафоры? Малоизученность этого вопроса определяет актуальность настоящей статьи.

Все примеры со словом штука были распределены по группам в зависимости от синтаксического окружения. Мы выяснили, что штука может быть маркером катафоры как в простых, так в сложных предложениях, а также между предложениями. Рассматриваемая в данной статье конструкция такая штука, как может быть исследована, как выяснилось, при минимальном лексическом окружении. Для того чтобы понять, что является объектом катафорической отсылки, достаточно посмотреть на следующие за союзом как несколько слов: такая штука, как варварская латынь; такая штука, как совесть; такая штука, как женщина.

В ходе анализа подобных конструкций, в контексте катафоры проведенного впервые, сразу возник вопрос относительно семантики слова штука, его контекстуального значения. В историко-этимологическом словаре П.Я. Черных дается следующее описание слова штука: «Штука, -и, м. – 1) чаще с неопределенно-общим значением: «предмет», «вещь», «явление», «обстоятельство», «происшествие», «выдумка» и т.д.; 2) «отдельно взятый предмет из числа однородных», «экземпляр»; 3) «цельный, неразвернутый, нетронутый предмет (напр. рулон ткани)»; 4) разг. «выходка», «проделка». Прил. **штучный, -ая, -ое.** Сущ. **штуковина, штукарь** – «человек, склонный ко всяким проделкам», «фокусник», «шарлатан». Укр. **штука, штучний, -а, -е, штуковина, штукар**; блр. **штука, штучны, -ая, -ае, штуковіна, штукар**; польск. sztuka – «штука во 2 и 3 знач.». Ср. чеш. stůčka, обл. štůčka – «штука в 3 знач.» (štuka: štuk – «штукатурка»). В других славянских языках отсутствует. В русском языке слово штука довольно старое: оно широко известно с I половины XVII в. Например, в «Книге о ратном строе», 1647 г., 32: «солдацкими штуками почитают» (проделками?). Из немецкого языка. Ср. нем. Stück – «экземпляр», «кусок», «штука» (корень тот же, что в Stock – «ствол»). Предположение о польском посредстве бездоказательно» [3, с. 426]. По определению Большого академического словаря русского языка, штука – это «1. Устар. Часть чего-либо, являющаяся сама по себе отдельной целой вещью, предметом. 2. Отдельный предмет, экземпляр из числа однородных, принимаемый за единицу счета (обычно в сочетании с количественными словами). Только мн. Разг. О словах, выражениях, рассказах и т.п. 3. Разг. Вообще какая-либо вещь, явление, обстоятельство и т.п. || **Происшествие, случай**. II. Что-либо, имеющее существенное значение, особенность. **В том (-то) и штука, штука (-то) в том, вот в чем штука, в этом вся штука**. В том, этом и т.п. главное, суть || Что-либо, являющееся сложным, необычным, неожиданным и т.п. 4. Разг. Выходка, проделка. || Хитрость, уловка. || Трюк, фокус, замысловатое движение» [4, с. 1579 – 1581]. Соответственно, необходимо было определить, какие семантические области русской лексики удается описывать, используя то или иное значение слова штука, и при помощи каких именно значений.

Проведенный нами анализ основывался на выборке примеров из Национального корпуса русского языка. Более подробно анализировались примеры основного подкорпуса, а также устного и газетного подкорпусов. Материалом исследования послужили 32 примера с конструкцией такая штука, как, где слово штука употребляется в качестве составного элемента катафорической пары.

Итак, к каким сферам относятся слова, называемые штуками? Класс объектов, с которыми соотносится штука, – это достаточно разнородный. В соответствии с классификацией «Семантического словаря» Н.Ю. Шведовой, объекты конструкций штука, как соответствуют лексико-семантическому классу именующих слов: отвлеченных понятий и конкретных предметов. При этом слов первого подкласса гораздо больше. Рассмотрим более подробную классификацию.

Первое семантическое поле – мир человека. Сюда относятся предметы, создаваемые руками и умом человека, т.е. артефакты. Следующее семантическое поле – микромир человека, взаимодействие с людьми, т.е. взаимоотношения с обществом. Это лексика, описывающая мир, создаваемый человеком в обязательном взаимодействии с другими людьми и составляющий его собственное – узкое или широкое – и необходимое окружение. Третье поле функционирования штуки – мир, окружающий человека, или события. И, наконец, последнее семантическое поле – мир природы, или высший мир; «то, что дано человеку искони, как извечно предопределенное» [5].

В каком же из значений употребляется слово штука в каждой из семантических сфер, и как оно связано с коммуникативным намерением говорящего? Первое из значений, проиллюстрированное в словарном толковании примером штука материи, может быть названо исходным, поскольку именно оно соотносится с толкованием немецкого stuck. По сути, это значение может быть